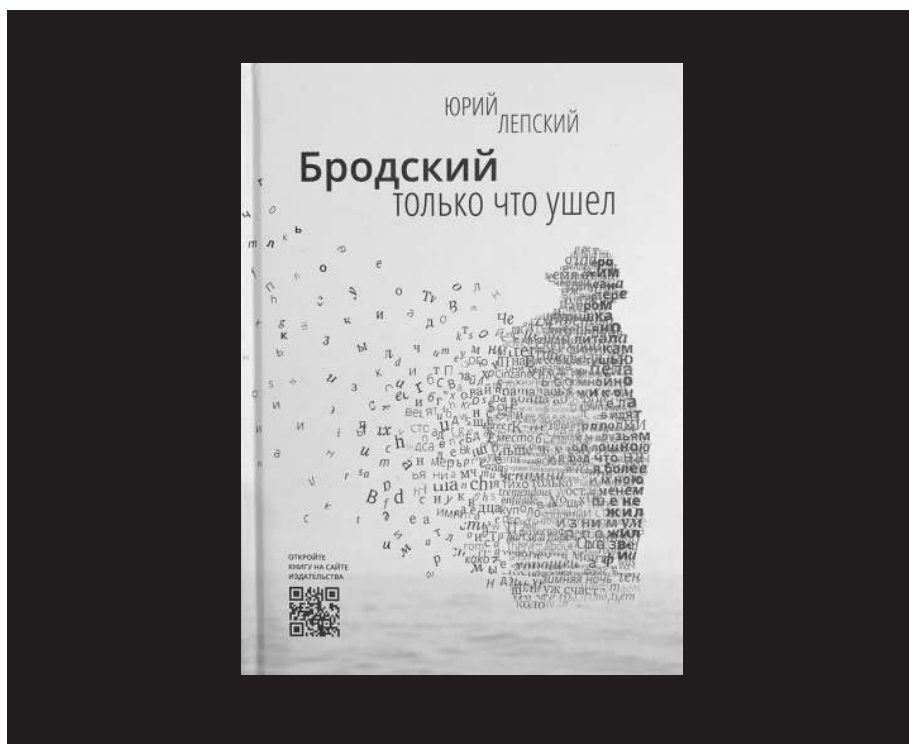

В этом году Бродскому восемьдесят. Он родился в Ленинграде в 1940-м. Бродскому теперь навсегда пятьдесят пять. Из-за внезапной остановки сердца в нью-йоркской квартире в январе 1996-го «нежилец этих мест» отправился в другие места, возврата из которых нет: снова, как уже случалось при его жизни. «Слава Богу, зима. Значит, я никуда не вернулся». Незадолго до восьмидесятилетия со дня рождения Иосифа Бродского в издательстве «Искусство XXI век» вышла книга Юрия Лепского «Бродский только что ушел». Ее составили беседы с людьми, в разные годы знавшими поэта: его друзьями, родственниками, знакомыми. Эта книга делает очень важное дело – она ненадолго снимает для нас Бродского с олимпа и показывает его живым человеком. И ключевое слово здесь – «живым». Поэт здесь не менее живой, чем в знаменитом цикле «Прогулки с Бродским». И сама книга, и оформление ее переплета оставляют ощущение, что Иосиф Александрович только что вышел – ненадолго, – но в любой момент может вернуться к каждому из нас. О «хождении по следам Бродского» и работе над книгой мы поговорили с ее автором.

– *Юрий Михайлович, почему книга называется так?*

– Ощущение, что Бродский только-только вышел, однажды возникло во мне и поселилось навсегда. Я понял, что мы ходили с ним по одним и тем же улицам в Ленинграде и теоретически вполне могли встретиться. Мы могли бы быть знакомы, потому что наши круги знакомств отчасти пересекались. Но этого не случилось, и это было очень обидно... Этот внутренний дискомфорт привел к тому, что я начал бегать по неостывшим следам Бродского, пытаюсь ухватить хвост той кометы, что улетает все дальше и дальше.

А еще он «только что ушел» потому, что, несмотря на прошедшие со дня его смерти 24 года, его имя постоянно на слуху, его книги разлетаются, их читают. Недавно я в Казанском университете беседовал со студентами. Их было около ста человек, и я спросил, кто из них читает Бродского. Оказалось, что

чуть менее половины. Это очень много. Особенно учитывая, что Бродский – очень сложный поэт. И эссеистика его тоже непростая. Что-то приходится перечитывать, чтобы понять. Когдаходишь в книгу Иосифа Александровича, возникает ощущение, что потолок очень высоко, как в католическом соборе эпохи готики или раннего Возрождения типа Санти-Джованни-э-Паоло в Венеции, в то время как во многую современную литературуходишь как в землянку, согнувшись в три погибели. Читая Бродского, можно смотреть вверх, им можно дышать, к нему можно стремиться – и постоянно возвращаться. И поэтому всякому поколению его читателей будет казаться, что он только что был здесь.

– Книга в значительной степени составлена из бесед с людьми, которые знали Бродского, были близки с ним на разных жизненных этапах. Каждый из этих этапов в книге обозначен городом (в одном случае – деревней): Санкт-Петербургом (Ленинградом), Венецией, Лондоном, Римом, Нью-Йорком, Норинской, Стокгольмом. В прекрасном телевизионном цикле «Прогулки с Бродским» поэт сам говорил о себе и своих любимых местах. В этой книге о нем вспоминают и рассказывают множество других людей. Это собрание подлинных свидетельств. Что эта объемность взгляда на героя дает читателю? Помогает ли она лучше понять его? Все эти люди говорят о Бродском, но говоря о нем, не раскрываются ли они больше сами через его образ?

– Мне очень повезло с моими собеседниками. По Венеции Бродского меня водил Петр Вайль, по Нью-Йорку – Александр Генис, по Лондону – лучший на сегодняшний день исследователь творчества Бродского Валентина Полухина, по Стокгольму – Бенгт Янгфельдт, по Санкт-Петербургу – выдающийся знаток топографии города Вячеслав Недошивин, по Риму – Алексей Букалов, проживший тут четверть века, знавший Бродского и его любимые местечки и вечном городе. Это замечательные люди, которым я очень благодарен. У каждого из них, конечно, был свой Бродский, и мне предстояло сложить из всех этих исто-

рий общий целостный пазл. Один мог говорить что-то, прямо противоположное тому, что говорил другой. Но это было самое ценное. Люди, знакомые с Иосифом Александровичем по разным поводам, по разным поводам и высказывались. Но объединяет их одно: что бы они ни рассказывали, речь в конечном счете шла об их месте в той культуре, которую нам завещало ушедшее поколение. У Бродского была замечательная фраза о том, что писатель (или поэт, как в данном случае) должен искать успеха не у современников, а у предшественников. И эта мысль проходила через все разговоры с разными людьми, и все они говорили о том, что знакомство с Иосифом Александровичем помогло им понять собственное место в той культуре, которую они наследовали. Они и меня заставили задуматься о том, каково мое место в профессии, которую я выбрал.

Работа над этой книгой многое поменяла в моей жизни – начиная с привычек и заканчивая знакомствами и новыми друзьями.

– При работе над книгой о людях такого масштаба очень трудно остановиться, поставить точку. Всегда есть соблазн воссоздать целую вселенную. Бескрайнее поле материала, особенно в этом случае – когда в вашем распоряжении не только книги, но и живые собеседники, каждый из которых – сам по себе вселенная. Как быть?

– Когда я оказываюсь на Сан-Микеле, острове мертвых, где, как известно, находится могила Бродского, я подхожу и мысленно прошу у него прощения, поскольку понаписал и наговорил про него очень много и вполне допускаю, что не все могло Иосифу Александровичу понравиться. И я пытаюсь его язычески задобрить: кладу на надгробье маленького котенка или еще что-то, прошу прощения, внутренне объясняя, что ничего плохого сказать не хотел. И пока мне все как-то сходило с рук. Однажды ко мне там явился огромный кот, который пытался установить со мной контакт: для венецианских котиков случай уникальный, обычно они очень пренебрежительно относятся к людям. А если он хотел этого контакта, это свидетельствует о том, что кто-то это был. Но кто?

Валентина Полухина так и не смогла закончить писать об Иосифе Александровиче. Она ставила точку в очередной книге, потом проходило некоторое время – и она начинала новую, каждый раз, как утверждала, «последнюю». Я ее очень хорошо понимаю. С одной стороны, возникает ощущение, что все существенное, что могло быть сказано, уже сказано. Но мне кажется, надо еще познать чуть-чуть, чтобы понять что-то новое в написанном им.

– Важный человек в судьбе и творческой биографии Бродского – Марина Басманова. Что за тайна окутывает эту женщину? Почему о ней так мало известно и почти нет ее фотографий, кроме самой известной – с Анатолием Найманом?

– Марина Павловна Басманова сыграла в жизни Иосифа Бродского поразительную роль. В мировой поэзии не существует такого количества посвящений, какого удостоилась Марина Павловна. Она абсолютно закрытый человек. Сколько раз мы с Вячеславом Михайловичем Недошивиным стучали и звонили в ее дверь, сколько раз набирали ее телефонный номер – ничего не удавалось. Она не идет на контакт с кем бы то ни было. Изредка общается с друзьями Бродского, но даже их попытки вывести ее в публичное пространство ничем не завершились. Я знаю, что ей предлагали немалые деньги за интервью на федеральных каналах. Она отказалась. Не потому, что деньги ей не нужны – живет она весьма скромно, – а потому, что это продуманный, укоренившийся в ней самый стиль поведения. Она считает, что все, что она знает о Бродском и чувствует по этому поводу, должно уйти вместе с ней и никому больше не принадлежать. Конечно, это вызывает уважение, но есть часть во мне, которая против этого протестует: почему мы знаем о Беатриче больше, чем о Басма-

Однажды ко мне там явился огромный кот, который пытался установить со мной контакт: для венецианских котов случай уникальный, обычно они очень пренебрежительно относятся к людям. А если он хотел этого контакта, это свидетельствует о том, что кто-то это был. Но кто?

новой? Ведь Басманова – наш современник, она живет с нами. Я знаю людей, которые с ней встречались. Они рассказывают, что ничего не изменилось: она по-прежнему носит с собой маленький блокнотик («Четверть века назад ты питала пристрастие к люля и к финикам, / рисовала тушью в блокноте, немножко пела»), рисует во время бесед и оставляет свои рисунки на память этим людям. Мне однажды удалось поговорить с ней по телефону*. В этой книге были пять фотографий Марины Басмановой, которые никто никогда не видел. Кроме Бродского, потому что он их автор: он сделал их во время ссылки в Норинской. Но нам не удалось получить разрешение на их публикацию, поэтому корректней – по отношению и к Басмановой, и к Бродскому, и к издательству – было отложить их публикацию.

– После ухода человека уровня Бродского неизбежно возникает ревность, споры о том, кто был большим другом поэту, и тому подобное. Насколько эта ревность чувствовалась в ваших беседах?

– В разговорах как таковых я этого не почувствовал, хотя какие-то заочные дискуссии были. О той же Басмановой, например. Есть такой друг Бродского голландский славист Кейс Верхейл, написавший о нем замечательную книгу. Он был доверенным лицом Иосифа Александровича, ездил в Ленинград к его родителям, привозил письма. Возил он письма и Марине Басмановой, и ему – ее ответы. Верхейл полагал, в отличие от всех людей, с которыми я разговаривал по поводу Бродского, что эта любовь никуда не исчезла с годами и даже брак не смог ей помешать. Он говорил о том, что знаменитая публикация «Дорогая, я вышел сегодня из дому поздно вечером», которая считается критиками как

* Вот как этот эпизод описан в книге:

«– Алло.

– Это Марина Павловна?

– Да.

– Вас беспокоит незнакомый вам человек. Я работаю в «Российской газете». У меня на столе лежит материал, посвященный вам. Я хочу попросить вас прочитать его перед тем, как он будет опубликован...

– Я не стану ничего читать.

– Вам безразлично, что о вас напишут?

– Мне это неинтересно.

– Мне кажется, что этот материал сделан корректно и с уважением к вам.

– Ну и хорошо.

<...> Я сидел за столом с телефонной трубкой в руке абсолютно потрясенный. Конечно, не содержанием этого довольно бессмысленного разговора. Голос! Это единственное, что не меняется в человеке с возрастом. Сам Бродский когда-то заметил по поводу ее голоса, что связи не испытывают трения и оттого не изнашиваются с годами».

прощание с Басмановой (и считается, конечно, весьма неслучайно. – Т.С.)*, прощанием не является, потому что Иосиф Александрович до конца жизни испытывал к Марине Басмановой какие-то чувства, и поздние стихи этими чувствами были мотивированы.

– *Тот же Кейс Верхейл говорит о том, что в Бродском удивительным образом сочеталось, с одной стороны, постоянное сомнение в собственном уровне образования, поскольку он был самоучкой, сознательно бросившим школу после седьмого класса, и, с другой, – желание доминировать над Верхейлом в его работе над диссертацией об Ахматовой. Как в нем это соседствовало?*

– Это правда, и это отмечалось многими людьми: человек, ушедший из восьмого класса средней школы, был при этом блистательно образован. И случай Бродского редкий, но не единичный. Он реабилитирует людей, которые не окончили престижных вузов, а иногда и средней школы, но стали значительными фигурами в своих областях. В журналистике можно вспомнить Василия Михайловича Пескова. Десять классов школы за его плечами, но это был крупнейший специалист. А Бродский, конечно, испытывал комплекс из-за того, что страна была закрытая. В одном из первых своих интервью после эмиграции он сказал, что для него стало огромным открытием, когда он понял, что на английском языке можно написать глупость. Верхейл говорил, что Бродский был прекрасно образованным человеком с какими-то чудовищными провалами. Но со временем эти провалы все более нивелировались, и уровень образованности этого человека был просто блистателен.

А Петр Вайль рассказывал, как однажды Бродского пригласила на день рождения едва знакомая девушка, и он пришел. И выглядело это так: Бродский стоял один, освещенный каким-то верхним светильником, изучая картинки на стенах, а вся остальная компания стояла поодаль вокруг и шепотом разговаривала. В конце концов Вайль не выдержал и подошел к Иосифу Александровичу. «Ну и о чем вы с ним заговорили?» – спросил я. – «Как – о чем? Об античной поэзии!»» Когда Бродский появлялся в компании, чувствовалось, что произошло нечто значительное.

– *А насколько хорошо Бродский владел английским?*

– На мой взгляд, история знает три примера, когда человек превосходно писал на неродном для себя языке. Это Набоков, Бродский и Джозеф Конрад. Бродский был влюблен в английский язык. У него был роман с ним. Правда, стихи, написанные им на английском, вызывали волны возмущения. Прежде всего потому, что он пытался писать в рифму, что англосаксонская поэзия не делает уже почти двести лет и считает моветоном. А он настаивал на этом.

В блистательном эссе «Полторы комнаты» он писал о своих родителях – и объяснил, почему английский язык был так ему дорог и важен: «Я пишу о них по-английски, ибо хочу даровать им резерв свободы; резерв, растущий вместе с числом тех, кто пожелает прочесть это. Я хочу, чтобы Мария Вольперт и Александр Бродский обрели реальность в “иноземном кодексе совести”, хочу, чтобы глаголы движения английского языка повторили их жесты. Это не воскресит их, но по крайней мере английская грамматика в состоянии послужить лучшим запасным выходом из печных труб государственного крематория, нежели русская. Писать о них по-русски значило бы только содействовать их неволе, их уничтожению, кончающимся физическим развоплощением. Понимаю, что не следует отождествлять государство с языком, но двое стариков, скитаюсь

* «Не пойми меня дурно. С твоим голосом, телом, именем ничего уже больше не связано; никто их не уничтожил, но забыть одну жизнь – человеку нужна, как минимум, еще одна жизнь. И я эту долю прожил».

по многочисленным государственным канцеляриям и министерствам в надежде добиться разрешения выбраться за границу, чтобы перед смертью повидать своего единственного сына, неизменно именно по-русски слышали в ответ двенадцать лет кряду, что государство считает такую поездку “нецелесообразной”. Повторение этой формулы по меньшей мере обнаруживает некоторую фамильярность обращения государства с русским языком. А кроме того, даже напиши я это по-русски, слова эти не увидели бы света дня под русским небом. <...> Пусть английский язык приютит моих мертвецов. По-русски я готов читать, писать стихи или письма. Однако Марии Вольперт и Александру Бродскому английский сулит лучший вид загробной жизни, возможно, единственно существующий, не считая заключенного во мне самом. Что же до меня самого, то писать на этом языке – как мыть ту посуду: полезно для здоровья». Я убежден, и Валентина Полухина осторожно поддерживает эту точку зрения, что Нобелевская премия была присуждена Бродскому именно за эссе, а не за стихотворения, лучшие из которых были написаны по-русски и не могли быть оценены Нобелевским комитетом должным образом.

А отношения Иосифа Александровича Бродского с языком всегда были достаточно метафизическими, и это нужно иметь в виду.

Беседовала Татьяна Соловьева

